

И. М. ЭРЛИХСОН

ПАМФЛЕТ Б. МАНДЕВИЛЯ «БЛАГОПРИСТОЙНЫЕ АРГУМЕНТЫ В ЗАЩИТУ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ»

К ВОПРОСУ О ЦЕЛИ НАПИСАНИЯ И ЖАНРЕ

Статья посвящена малоизвестному произведению английского публициста первой четверти XVIII в. Б. Мандевиля. Анализ композиции и стилистических особенностей памфлета «Благопристойные аргументы в защиту государственных публичных домов» позволяет выявить характер мировоззрения автора, определить жанр произведения, дать целостное представление о восприятии феномена проституции в общественном сознании исследуемой эпохи.

Ключевые слова: Англия, XVIII век, общественная мысль, проституция, мораль.

Анонимный памфлет «Благопристойные аргументы в защиту государственных публичных домов» (1724), традиционно приписываемый перу Б. Мандевиля, относится к числу наиболее известных публикаций начала XVIII века, посвященных проституции и комплексу проблем, связанному с этим социальным явлением. Современникам знаменитого английского философа не удалось «улучить его в авторстве произведения, заранее обреченного на скандальную славу», чему немало способствовал сам автор, не без иронии представившийся как “*Phil-Porney*” («любитель падших женщин») и “*Lauman*” («дилетант», «непрофессионал»). Кто бы ни скрывался под этими говорящими, но малоинформативными псевдонимами, очевидно стремление автора остаться в тени собственных экстравагантных идей. «Дабы удовлетворить любопытство взыскательного читателя, обнаружившего этого подкидыша у дверей своего дома, – пишет он в предисловии к «Благопристойным аргументам», – я сообщу, что повивальная бабка [Издатель. – Прим. автора] согласилась принимать роды только при условии, что я умолчу о своем отцовстве... С другой стороны, всегда найдутся родители, готовые принять ребенка и даже усыновить его», – продолжает он, намекая на то, что, обретя популярность, памфлет не останется анонимным, так как многие захотят приписать себе «отцовство»¹. И действительно в 1740 г.

¹ Mandeville. 2006. P. 51.

вышли третье и четвертое издания «Благопристойных аргументов», на обложках которых в качестве авторов были указаны Люк Огл и Гарри Мордаунт. И хотя эти люди существовали реально: Люк Огл², был пуританским пастором из Берикшира и скончался в 1696 г., а эсквайр Гарри Мордаунт, лесничий по профессии, умер в 1712 г. – их авторство крайне сомнительно, в том числе и ввиду отсутствия у них сколько-нибудь значимых публицистических произведений подобного уровня.

Вопрос об авторстве памфлета некоторое время был предметом оживленной научной дискуссии. Ф. Кайе, один из первых и самых авторитетных исследователей наследия Мандевилья, хотя и не сделал «Благопристойные аргументы» предметом отдельного исследования, тем не менее, заключил, что «необычные парадоксы, тождество стиля, отсутствие иных кандидатур на роль автора убедили меня в том, что книгу написал Мандевиль»³. В первом зарубежном издании «Басни о пчелах» под редакцией Ф. Кайе «Благопристойные аргументы» включены в список «подлинного» литературного наследия Мандевилья⁴; так же поступил в своей монографии и другой исследователь творчества мыслителя – Т. Хорн⁵. В 1933 г. голландский ученый Й. Хардер выступил с утверждением, что автором «Благопристойных аргументов» был некий Лоуренс ле Февр, зарегистрировавший книгу в 1710 г. в книгоиздательской компании⁶. С критикой этой точки зрения почти сразу же выступил Р. Крэйн⁷, чья позиция полностью совпала с мнением Ф. Кайе. Значительно позже в этой связи Р. Кук написал, что «Лоуренс ла Февр (*fever – нервное возбуждение, жар. – Прим. автора*) звучит так же подозрительно, как и другие псевдонимы, приписываемые «Благопристойным аргументам»⁸. Более осторожно высказывается М. Голдсмит, отмечая, что «Благопристойные аргументы» «вероятно, были написаны Мандевилем»⁹. Наиболее взвешенной и подводящей черту под дискуссией, на наш взгляд, представляется точка зрения И. Праймера: «В силу того, что мы не располагаем документальным подтверждением того, что Мандевиль написал эту книгу, тезис о его авторстве в определенной степени ослаблен... Но, как бы то ни было, аргументация Кайе мне ка-

² Вероятно, здесь имеет место игра слов (*ogle – смотреть с возжелением*).

³ *Kaye*. 1921. P. 456.

⁴ *Mandeville*. 1924. V. 1. P. xxxi.

⁵ *Horne*. 1978. P. 110.

⁶ *Harder*. 1933. P. 200–203.

⁷ *Crane*. 1934. P. 122–123.

⁸ *Cook*. 1975. P. 23.

⁹ *Goldsmith*. 1985. P. 149.

жется достаточно убедительной, и я полагаю, что Мандевиль написал либо большую часть книги, либо ее всю»¹⁰.

Действительно, стилистические особенности памфлета и содержащиеся в нем идеи являются таким же свидетельством в пользу авторства Мандевилья, каким было бы его имя на титульном листе. Само название памфлета, в котором «благопристойные аргументы» приводятся в пользу «публичных домов», выдает автора одного из самых знаменитых парадоксов в общественной мысли XVIII в. – «пороки частных лиц – блага для общества». В пользу авторства Мандевилья свидетельствует и то обстоятельство, что памфлет предвяряет специальное посвящение, адресованное Обществам исправления нравов, на деятельности которых Мандевиль неоднократно оттачивал свой полемический и сатирический талант. Примечательно, что на этот раз Мандевиль критикует их позицию в отношении распущенности и безнравственности не за лицемерие и ханжество, а исключительно за дилетантизм в борьбе с развратом и за некорректно выбранные методы для достижения поставленных целей. «Отдавая дань усердию, с коим вы выступаете в защиту скромности и добродетели... я не могу не поздравить Вас с успехом в этом благочестивом деле, – пишет Мандевиль. – Но мне ничего не остается, – с нескрываемой издевкой продолжает он, – как с прискорбием сообщить Вам, что Ваши усилия в борьбе с распущенностью на деле способствовали ее повсеместному распространению, и Вашими стараниями древо безнравственности зацвело пышным цветом, так как вместо того, чтобы подрубить корни, вы небрежно обрезали крону»¹¹.

Насколько бесспорным в научном смысле является вопрос авторства памфлета, настолько же дискуссионными видятся его жанр и цели, которые преследовал Мандевиль, представив на читательский суд столь одиозное произведение. «Что это – «изошренная шутка от начала и до конца? Или серьезная критика современных автору средств борьбы с человеческим пороком? Или сочетание того другого, шутки и серьезного рассуждения?»¹². Надо отдать должное автору, который приложил максимум усилий для того, чтобы запутать читателей, а позже и исследователей его творчества, относительно истинного смысла «Благопристойных аргументов». «Нет ничего бесполезнее современного обычая относиться к серьезным вещам с насмешкой»¹³, – заявляет он, хотя несколькими страницами ранее рекомендовал «приправлять сухие аргументы доброй шуткой для

¹⁰ *Primer*. 2006. P. 111.

¹¹ *Mandeville*. 2006. P. 44.

¹² *Primer*. 2006. P. 12.

¹³ *Mandeville*. 2006. P. 56.

лучшего аппетита и усвоения»¹⁴. Последнее ему удалось – он сдобрил памфлет таким количеством пикантных шуток, что в течение двух веков «Благопристойные аргументы» классифицировались едва ли не как порнографическое произведение. Впрочем, Мандевиль никогда не претендовал на роль серьезного академического философа, и, как справедливо отметил один из авторитетных исследователей его творчества М. Голдсмит, «он стремился развлечь гораздо более фривольную публику, чем та, которая зачитывалась произведениями Гроция, Гоббса, Фильмера, Локка, Сиднея или хотя бы Шефтсбери...»¹⁵.

Диапазон мнений о цели и жанровой принадлежности произведения достаточно широк. Ф. Кайе полагал, что «“Благопристойные аргументы” – это некий проект, а потому произведение нетипичное для Мандевиля, в котором рассуждения автора выдержаны в практическом ключе: он не только теоретизирует, а предлагает конкретную программу»¹⁶. И. Праймер отметил, что хотя «Благопристойные аргументы» выстроены по канонам классической речи, их чрезвычайно трудно отнести к какому-то определенному литературному жанру. С одной стороны, «Мандевиль следовал по стопам Д. Дефо и его “Эссе о проектах”, хотя с этим произведением и подобными ему реформаторскими проектами его рознит ярко выраженная полемическая направленность... В высмеивании обществ исправления нравов и некоторых высокопоставленных прелатов Высокой церкви»¹⁷ “Благопристойные аргументы” тяготеют к полемике. Как план общественного переустройства, детище Мандевиля можно было бы поместить в рамки популярного в Европе со времен Платона утопического жанра, если бы не неприемлемый для утопии компромисс с недостатками окружающей автора действительности»¹⁸.

Поиск ответов на все эти вопросы требует критического прочтения памфлета и анализа доминирующих в нем тематических разделов и идейных установок.

В специальном посвящении, предворяющем памфлет и адресованном Обществам исправления нравов, автор, щеголяя неплохим знанием античной истории и философии, показывает, что даже столпы античной мудрости, являющиеся образцами для подражания в представлении наиболее прогрессивных слоев английского общества, в сексуальных

¹⁴ Ibid. P. 52.

¹⁵ Goldsmith. 1985. P. 7.

¹⁶ Kaye. 1921. P. 456.

¹⁷ Имеются в виду сатирические аналогии с «Историей моего времени» Г. Бернета.

¹⁸ Primer. 2006. P. 12–13.

отношениях оставались обычными людьми со своими слабостями и недостатками. «...Аристотель, первый перипатетик, имел внебрачного сына по имени Никомах от своей любовницы Герпилии, которую так любил, что завещал ей талант серебра и дом... Сократ, по собственному признанию, в течение пяти дней ощущал телесное томление, вызванное прикосновением к плечу нежной девичьей руки... Зенон¹⁹, почитаемый за скромность, выступал за общность женщин и написал трактат о правильном обращении с непорочными девушками... Что же еще остается добавить о нашем излюбленном Сенеке²⁰, авторе “Нравственных писем”, так и не снискавшем репутации добродетельного человека?»²¹. «Таким образом, – заключает Мандевил, – если непревзойденные античные мудрецы не преуспели в обуздании природных инстинктов, то, что же говорить о нас? Может ли студент Оксфорда быть сдержаннее прославленных стойков, а плечи армейского офицера менее чувствительными, чем плечи Сократа?»²².

По убеждению Мандевиля, человек порочен априори: «Некоторые притворяются, что тяга к удовлетворению запретных желаний противостественна. Но нельзя отрицать, что природа, щедро одарив нас ею, поскупилась на толику разума, способного обуздать эту склонность»²³. Гораздо разумнее признать этот непреложный факт, чем тратить время и силы на то, чтобы усовершенствовать человеческую природу, особенно теми методами, которые практиковали Общества исправления нравов по отношению к лицам, уличенным в греховных поступках. Штрафы, телесные наказания, тюремное заключение, по мнению мыслителя, лишь подпитывают «великого Левиафана порока, который легким щелчком хвоста опрокидывает хрупкий сосуд добродетели»²⁴.

Непонимание природы явления, и, как следствие этого, дилетантские способы борьбы с ним и бесперспективность достижения сколь либо значимого результата – вот вердикт, который Мандевил выносит деятельности членов Обществ исправления нравов. «Какая жалость, – иронизирует он, – что столь благородное рвение заранее обречено на неудачу, но все же я лелею надежду воочию увидеть хотя бы одного

¹⁹ Зенон из Китиона (о. Кипр) (ок. 336–264 гг. до н. э.) – древнегреческий философ, основатель стоицизма.

²⁰ Сенека Луций (род. между 6 и 3 гг. до н. э. – 65 г. н. э.) – римский философ-стоик, политический деятель, писатель.

²¹ *Mandeville*. 2006. P. 47–48.

²² *Ibid.* P. 48–49.

²³ *Ibid.* P. 58.

²⁴ *Ibid.* P. 45.

обращенного грешника, как только его выпустят из Брайдвелла»²⁵. Мастер тонких и неожиданных аллегорий, Мандевиль сравнивает Общества с неким достойным джентльменом, который избавился от выгребной ямы в своем саду и наслаждался видом ровно до тех пор, пока «каждый нос в его семье не убедился в опрометчивости его решения». «Если и этих доводов мало, чтобы донести истину до Вашего разума, – продолжает Мандевиль, – позвольте мне привести другой пример. Мясник, бессильный избавиться от полчищ прожорливых мух с помощью мухобойки и иных приспособлений, отрезает небольшой кусок и отдает им на съедение; тем самым, жертвуя малым, он сохраняет все остальное»²⁶.

Проводимая аналогия не требует разъяснений: проституция – есть социальное зло, но зло, являющееся таким же неотъемлемым элементом развитого социума, как мухи в мясной лавке. Причины же, по которым Мандевиль обратился к предмету столь деликатного свойства, по его собственному утверждению, заключались в неустанной заботе о «благах всего человечества и процветании страны»²⁷. «В последние годы, – сетует он, – занятие проституцией стало повсеместно распространенным явлением, и последствия ее настолько пагубны для человечества, что было предпринято несколько попыток борьбы с ним... как, например, Обществом достойных джентльменов, не понявших истинную природу этого зла, в искоренении которого я заинтересован не меньше их»²⁸.

Одним из негативных последствий «частной» проституции, Мандевиль, как профессиональный врач, считает угрозу здоровью нации, наносимую венерическими болезнями, от которых страдают равно как вовлеченные в распутство, так и невинные люди. «Мужчины передают женам, жены мужьям и, возможно, детям, дети – няням, те – другим детям; таким образом, ни возраст, ни принадлежность к тому или иному полу, ни положение в обществе не служат защитой от болезни»²⁹.

Также, продолжает Мандевиль, проституция и блуд неизменно приводят к моральному разложению, своего рода, «праздности ума, несовместимой с трудолюбием, основой благосостояния любой, особенно торговой нации»³⁰, а также к сокращению численности населения. Последнее он связывает, во-первых, с тем, что неумеренные излишества, которым предаются молодые люди, истощают их способность к воспро-

²⁵ Ibid. P. 49.

²⁶ Ibid. P. 50.

²⁷ Ibid. P. 54.

²⁸ Ibid. P. 55.

²⁹ Ibid. P. 56.

³⁰ Ibidem.

изводству здорового потомства, а, во-вторых, с широко распространенной практикой абортов. И хотя автор солидарен с законодательством, «справедливо суровым» по отношению к детоубийцам, которые «недостойны жить в цивилизованном обществе», но очевидно, что он исходит не из абстрактных принципов гуманности и милосердия, а из соображений приземленного толка. Так, характеризуя практику убийства детей до их рождения как «варварскую», он более всего озабочен тем, что она приводит к сокращению численности населения, в то время как «благо-состояние любого государства в значительной степени зависит от числа населяющих его граждан»³¹. Будучи убежденным в том, что репрессивное законодательство бессильно ликвидировать или хотя бы сократить масштабы рассматриваемого явления, Мандевилль предлагает альтернативный вариант – «направить поток похоти в специально выделенный для нее канал»³², иначе говоря, поставить социальное зло на службу обществу, превратив его в сектор государственной экономики: «Организация государственных публичных домов... ликвидирует большинство негативных последствий этого зла и загонит его в строго очерченные рамки. Государственная проституция в меньшей степени пагубна для общества, обстоятельство, уже само по себе являющееся достаточной причиной для создания соответствующего законодательства... Это не только предотвратит нежелательные последствия этого порока, но и способствует меньшему его распространению»³³. Чем не живая иллюстрация знаменитого парадокса «Частные пороки в руках умелого политика могут превратиться в общественные добродетели»?³⁴.

План Мандевила вкратце сводится к следующему. Он предлагает выделить в Лондоне «удобный» квартал и разместить в нем сто публичных домов (в других городах количество подобных заведений должно варьироваться пропорционально численности населения), в которых будут проживать около двух тысяч женщин. В целом деятельность публичных домов должна координироваться тремя уполномоченными лицами, которые будут выслушивать жалобы и следить за тем, чтобы в «каждом доме соблюдались правила, необходимые для умелого управления данным сообществом»³⁵. Во главе каждого дома стоит смотрительница, в чьи обязанности входит следить за тем, чтобы «женщины содержали себя в чистоте и опрятности и развлекали джентльменов в

³¹ Ibid. P. 56–57.

³² Ibid. P. 60.

³³ Ibidem.

³⁴ *Mandeville*. 1924. V. 1. P. 411.

³⁵ *Mandeville*. 2006. P. 61.

вежливой и учливой манере», а также за тем, чтобы вышеупомянутые джентльмены не испытывали недостатка в алкогольных напитках, поставки которых, что примечательно, освобождены от пошлин и акцизов. Смотрительница обладает абсолютной властью над своими подопечными: ни одна женщина не может без ее разрешения покинуть дом; музыка и танцы находятся под запретом; часы посещения строго фиксированы; а посетители, нарушающие порядок и допускающие насилие в отношении женщин, выставляются из стен заведения.

Сторонник жесткой социальной стратификации, Мандевилль «в целях лучшего развлечения джентльменов различных вкусов и сословий» предлагает разделить обитательниц публичных домов на четыре разряда в зависимости от внешних данных и изысканности манер. Все они платят подоходный налог, отчисления от которого идут на заработную плату докторам, смотрительницам, обслуживающему персоналу; из этих же средств формируется фонд для содержания незаконнорожденных отпрысков и куртизанок, в силу возраста или болезни потерявших трудоспособность. Примечательно, что предлагаемая Мандевилем экономическая система, будучи замкнутой и самодостаточной, не является источником финансовой прибыли для государства. Для человека прагматического склада, к каким, несомненно, можно отнести Мандевиля, было бы логично попытаться заинтересовать законодателей возможностью пополнить государственный бюджет за счет монополизации сферы услуг и получения новой статьи дохода. Но в проекте об этом не сказано ни слова. И. Праймер объяснял этот факт тем, что «идея извлечения денежной выгоды из учрежденных и патронируемых государством домов терпимости выглядела слишком отталкивающей даже в глазах Мандевиля»³⁶.

Понимая, что работа в публичном доме всегда связана с риском для здоровья, автор проекта включил в социальный пакет и медицинское обслуживание, осуществляемое в специальном госпитале двумя врачами и четырьмя хирургами. Специфика болезней, которым подвержены служительницы культа Венеры, подразумевает постоянный неослабевающий контроль и потому, женщины, обнаружившие недомогание, обязаны немедленно сообщить о нем смотрительнице. В этом случае для них предусмотрен бесплатный курс лечения; утаивающих же свою болезнь, подвергают порке и выгоняют³⁷.

³⁶ *Primer*. 2006. P. 139.

³⁷ Любопытно, что эта часть предложений Мандевиля была реализована принятием в 1864, 1864 и 1869 гг. серии парламентских Актов об инфекционных заболеваниях. Согласно закону, в городах с морскими портами полицейские получали право арестовывать проституток и отправлять их в госпиталь для медицинского

В том, что касается второй части своего плана, связанной с ликвидацией частной проституции, Мандевиль предельно краток. «Телесные наказания и красноречие Брайдвелла очень скоро убедят бедную женщину в том, что она может вести более *комфортный и честный образ жизни* в государственном публичном доме. А упорствующих в своей глупости любителейниц пеших прогулок, не желающих услаждать джентльменов согласно букве закона, ждет высылка из страны»³⁸.

Сформулировав основные положения проекта, Мандевиль, в характерной для него манере, тут же приступает к критике возможных аргументов своих идеологических противников, сфокусировав ее на главном, хотя и потрепанном в словесных баталиях, тезисе поборников добродетели – о недопустимости законов, противоречащих нормам христианской морали. «Так как множество людей продолжают разделять нелепые религиозные постулаты, как например, гласящие, что законы, служащие общественному благу, могут быть несправедливыми и безнравственными... то я прибегну к доводам рассудка, дабы избавить их от этого нелепого заблуждения»³⁹. Между отдельным человеком, совершающим преступление ради общественного блага, как, например, Джон Фелтон⁴⁰, и законом, вершащим зло ради той же цели, огромная разница. Мандевиль провозглашает закон – высшим абсолютом, а единственное, по чему можно «судить, хороши или плохи законы, справедливы или несправедливы, это то, насколько пагубно или благотворно их воздействие на общество в целом»⁴¹. В качестве примера мыслитель приводит ситуацию, когда корабельная команда, инфицированная смертельной болезнью, сразу же после высадки на берег расстреливается по приказу правительства. «Само по себе это действие является бесчеловечным и жестоким убийством, но так как эта суровая мера направлена на спасение здоровья нации, то она не только оправдана, но и справедлива с точки зрения строжайших моральных норм»⁴².

По Мандевилю, закон, как творение государственного разума, вообще не имеет никакого отношения к христианской морали, поскольку

осмотра для выявления венерических заболеваний. Если женщина была инфицирована, то ей предписывалось оставаться в госпитале на три месяца (с 1869 г. срок продлили до года) для прохождения лечения. Подробнее см.: *Walkowitz*. 1982.

³⁸ *Mandeville*. 2006. P. 62.

³⁹ *Ibid*. P. 89.

⁴⁰ Джон Фелтон – пуританин, убивший фаворита Карла I – герцога Бэкингема (1628 г.). Несмотря на то, что общественное мнение расценило этот поступок как героический, Фелтон был осужден и приговорен к смертной казни через повешение.

⁴¹ *Ibid*. P. 90.

⁴² *Ibidem*.

диапазон его действия распространяется исключительно на материальную, а не на духовную сферу человеческой жизнедеятельности. «Блуд, без всякого сомнения, является нарушением священной заповеди и смертным грехом, но грех этот касается государства не больше, чем употребление в пищу кровавой колбасы... Грех состоит в намерении удовлетворить похоть, и законодательство не в силах предотвратить это, поскольку наказания только увеличивают желание вкушать запретный плод»⁴³. Если же государство не может искоренить порок, то ему остается заключить его в легитимную оболочку, то есть официально узаконить в той форме, которая бы не подрывала, а способствовала укреплению основ общественного правопорядка.

Выбор меньшего из двух зол: между частной проституцией, бесконтрольной и потому потенциально опасной и публичными заведениями, находящимися под неусыпным контролем государства – таков идейный базис изложенного предельно лапидарно, в отличие от большинства предлагавшихся в то время планов социального обустройства общества, проекта Мандевиля.

Самая же обширная часть памфлета посвящена перечислению выгод, которые обретет нация в результате практической реализации предложенного плана. Во-первых, маргинальные элементы, чье поведение представляет потенциальную угрозу общественной стабильности, будут поставлены под государственный контроль и «будут принуждены вести упорядоченный образ жизни»⁴⁴. В результате представительницы древнейшей профессии обретут легитимное положение в рамках своего профессионального круга; а общество будет избавлено от «ночных беспорядков, пьяных дебошей, нарушающих покой честных обывателей»⁴⁵.

Еще одним достоинством системы государственных публичных домов должен стать рост деловой активности, и, как следствие, увеличение национального благосостояния. Еще в «Басне о пчелах» Мандевилль убеждал читателей, что пороки частных лиц при умелом управлении благотворно воздействуют на общество; к примеру, проституция способствует оживлению денежного обращения и росту торговли вследствие трат на роскошную одежду, изысканную пищу, съем помещения. «Разбойник с большой дороги, выделив девице легкого поведения десять фунтов, одевает ее с головы до ног, и едва ли найдется такой сверхсознательный торговец, который не продаст ей отрез шелка, узнав, чем она зарабатывает на жизнь. Кроме того, ей понадобятся туфли, чулки, пер-

⁴³ Ibid. P. 91.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibid. P. 64.

чатки, а потому швея, ткач и сотни других ремесленников зависят от того, сколько она потратит на приобретение той или иной вещи»⁴⁶.

Но главное преимущество предлагаемого плана его автор видит в перестройке и улучшении межполовых отношений в среде представителей средних, по своему социальному и экономическому статусу, слоев общества. Рассуждая о природе мужского желания, Мандевиль подразделяет мужчин на две группы в зависимости от частоты удовлетворения природных инстинктов. В первую группу входят «люди удовольствия», в описании которых легко угадываются представители высших кругов. Перо Мандевилля рисует образ деградирующего аристократа, разлагающегося как физически, так и нравственно: «Большую часть времени они отдают постижению науки страсти, предаваясь этому занятию с таким рвением, что в итоге истощают равно тело и разум»⁴⁷.

Гораздо больше Мандевилля интересуют те, кого он называет «люди дела», как можно предположить, это представители средней буржуазии – купцы, финансисты, бизнесмены. Они реже, чем другие подвержены «телесному томлению», и потому, возникая, оно «во сто крат сильнее, чем у тех, кто следует зову плоти каждый день»⁴⁸. «Так, что же делать такому человеку, когда он примет решение снять напряжение? – спрашивает Мандевиль. – Он будет вынужден потратить массу времени и денег, чтобы найти и соблазнить порядочную девушку, что чревато, во-первых, любовными переживаниями, затемняющими трезвость рассудка и потому несовместимыми с работой, и, во-вторых, с расходами, которых он не мог представить себе в страшном сне»⁴⁹. Вот государственные публичные дома и станут таким «лекарством от этих неудобств»: в них мужчины смогут получить удовлетворение по строго фиксированным ценам, не теряя времени и не нанося ущерб здоровью.

Более того, реализация проекта, в представлении Мандевилля, должна способствовать укреплению института брака. «Когда мужчина и женщина собираются вступить в брак, последнее, о чем они думают, это о продолжении рода. Они просто мечтают жить вместе, наслаждаться нежными объятиями, делить радости и печали, сделать друг друга как можно счастливее»⁵⁰. Но если отбросить романтические иллюзии, то в первую очередь брак «абсолютно необходим не только для воспроизводства и надлежащего образования человеческого рода», но и для со-

⁴⁶ *Mandeville*. 1924. V. 1. P. 88.

⁴⁷ *Mandeville*. 2006. P. 66.

⁴⁸ *Ibid.* P. 67.

⁴⁹ *Ibid.* P. 68.

⁵⁰ *Ibid.* P. 72.

хранения имущественных и социальных барьеров, размывание которых недопустимо. «Избыток добродетели в молодых людях так же опасен, как избыток порока»⁵¹, – пишет мыслитель, так как первый приводит к несчастливому браку, а второй и вовсе уничтожает желание связать себя брачными узами. Несчастливый брак для Мандевиля – это неравный брак: «если юноша ведет уединенную и добродетельную жизнь, то первая же влюбленность вскружит ему голову и ... шестнадцатилетний сын пэра узрит в дочери башмачника прекрасную Дульсинею»⁵² со всеми вытекающими последствиями. «Ничто так не охлаждает любовную страсть, как неравенство», – продолжает Мандевиль. Первым прозревает мужчина и вольно или невольно начинает видеть в молодой супруге причину своих несчастий, что приводит сначала к равнодушию, а затем к открытой неприязни с его стороны. К таким несчастливым бракам, уверяет автор, приводит исключительно отсутствие чувственного опыта у мужчин. «Когда добродетельные люди женятся по платонической любви, обычно у них настолько извращенное, не соответствующее действительности представление о радостях брачного ложа, что, познав их, они испытывают глубокое разочарование... Глаза мужчины, изрядно потускневшие, обведенными синими кругами, все видят гораздо лучше, чем раньше, и богиня, сойдя с пьедестала, превращается в обычную смертную. Мужчина, удивленный и шокированный этой переменой, возложив вину на супругу, переносит чувства на другую женщину, как он воображает, свободную от недостатков, и тогда прощай, счастливый брак!»⁵³. Оставаясь прагматиком до мозга костей, Мандевиль показывает, к чему приводят романтические иллюзии, или как он их называет «химеры», и подводит к тому, что «только любовь может составить основу счастливого семейного союза»⁵⁴.

Государственные публичные дома, уверяет Мандевиль, и станут местом, где за умеренную плату можно будет приобрести соответствующий опыт, «очень полезный до брака, и чрезвычайно опасный после заключения оногo»⁵⁵. Недаром даже женщины, знающие, как сложно «монополизировать мужскую привязанность», усвоили простую истину, что отъявленные повесы становятся лучшим мужьями. «Опытный человек, познавший несколько женщин, знает, что шторм страсти сменяется штилем, и потому заключает брачный союз, осознавая неизбежность

⁵¹ Ibid. P. 70.

⁵² Ibid. P. 69.

⁵³ Ibid. P. 73.

⁵⁴ Ibid. P. 70.

⁵⁵ Ibid. P. 74.

разочарования и заранее смирившись с недостатками и несовершенствами, неотделимыми от человеческого рода»⁵⁶.

К несомненным плюсам своего проекта Мандевиль относит и то, что его практическое воплощение предотвратит настолько, насколько это возможно «развращение добродетельных женщин». Женщины в той же степени что и мужчины подвержены силе «яростного естественного желания», но с отрочества оно подавляется всевозможными способами, главным образом, формированием того, что Мандевиль называет «понятием чести». «Маленьких девочек учат ненавидеть слово “блудница” до того, как они узнают, что оно означает; и лишь взрослая, они обнаруживают, что их положение в обществе зависит не от того, насколько целомудренными они являются, а насколько целомудренными их считают»⁵⁷. Так как с ранних лет женщина усваивает, что ее репутация зависит, главным образом, от соблюдения приличий, потому и фундаментом, на котором зиждется женская добродетель, является, то, что Мандевиль называет «интерес». Естественно, что это заинтересованность сугубо материального плана: она нацелена сначала на удачное замужество, затем на стабильный брак.

Стремление к получению максимума жизненных благ вкупе с природным влечением – вот два полюса магнитной стрелки, определяющей поведение женщины в обществе и семейном кругу. Женская добродетель, считает Мандевиль, – это не врожденное качество, а продукт воспитания и образования, результат преобразования естественного («склонности к любви») искусственным («понятием чести»). В зависимости от баланса этих качеств мыслитель разделяет женщин на несколько типов. «Некоторые женщины, более добродетельные, или, сказать точнее, менее влюбчивые, чем другие, и в то же время имеющие четкое представление о чести, почти неуязвимы и могут быть сравнимы с городами, равно укрепленными природой и мастерством человеческих рук»⁵⁸. Но и они не пребывают в полной безопасности, так как, устояв перед внезапным штурмом, сдаются после долгой осады, на которую хватает времени и терпения у некоторых мужчин.

В наиболее многочисленную группу входят женщины, «так же ценящие свою репутацию, но по природе расположенные к любви». Таких женщин Мандевиль сравнивает с укрепленным городом, «чьи обитатели в любой момент готовы поднять восстание и сдаться на милость врага». В длительной гражданской войне между любовью и честью, продолжает

⁵⁶ Ibid. P. 73.

⁵⁷ Ibid. P. 76.

⁵⁸ Ibidem.

Мандевиль, любовь выйдет победителем, ибо «врата добродетели подобно храму Януса⁵⁹ всегда открыты в ходе таких конфликтов»⁶⁰.

Наиболее же незащищена добродетель женщин, чья природная чувственность сдерживается слабыми понятиями чести или вовсе не ограничена оными. Подобные женщины – прекрасные актрисы: зная, что мужскому самолюбию претят легкие победы, они создают видимость сопротивления, фальшивого от начала и до конца. По мнению Мандевиля, женщины извлекают из этого спектакля не только удовольствие, но и выгоду, «набивая цену своей добродетели, прежде чем одарить ей мужчину». К тому же, замечает автор памфлета, сам факт борьбы оправдывает моральное падение женщины в глазах мужчины, свидетельствуя о том, что в какой-то мере ее заставили подчиниться. «Женщины нередко отказываются капитулировать по условиям договора, предпочитая быть покоренными в ходе штурма»⁶¹.

Вывод, к которому приходит Мандевиль, звучит крайне неутешительно: добродетель каждой женщины, вне зависимости от возраста, внешних данных, социального, материального, семейного положения, подвергается постоянным испытаниям, и шансы выйти из них с честью одинаково ничтожны для любой представительницы слабого пола. «Чем красивее женщина, тем больше соблазнов на ее пути, дурнушка же уступит первому, кто покусится на ее добродетель; опытная женщина вкушает запретный плод, прикрываясь статусом замужней дамы, нет ничего легче, чем вскружить голову невинной девушке; богатство и вседозволенность делают желание неуправляемым, а бедность и вовсе обесценивает добродетель, превращая ее в легкую добычу»⁶².

Лучший способ обезопасить женскую добродетель, считает Мандевиль, – это избавить ее от посягательств со стороны мужчин. Это станет возможным только тогда, когда потоки мужской похоти будут направлены в строго очерченное государством русло. И тут автор приближается к сложной проблеме морально-этического свойства: каким образом будет набираться и пополняться персонал предлагаемых им заведений? Надо признать, что решает он ее со свойственным ему прагматизмом, даже граничащим с цинизмом. «Что же до того, что реализация проекта потребует разращения некоторого числа молодых

⁵⁹ Янус – в римской мифологии бог входов и выходов, дверей и всякого начала. Посвященная Янусу двойная арка на римском форуме опиралась на колонны, образуя ворота, которые отпирались во время войны и запирались во время мира.

⁶⁰ Ibid. P. 77.

⁶¹ Ibid. P. 79.

⁶² Ibid. P. 81.

женщин, – пишет он, – то эту проблему легко решить принятием Акта о ввозе иностранных женщин... Наша благородная молодежь вместо того, что тратить время и деньги на поиски амурных приключений за границей, может удовлетворить любопытство, не покидая Лондон»⁶³. Если же наступит такая ситуация, когда спрос превысит предложение, расстроенные клиенты вернуться к старому испытанному способу – соблазнению невинных девушек, и следовательно, с оптимизмом заключает Мандевиль, будет создан резерв потенциальной рабочей силы для домов терпимости. Таким образом, «каждая соблазненная женщина, поступив на работу в публичный дом, в какой-то мере искупит потерю собственной чести, став *средством* для сохранения чести других женщин»⁶⁴. Воистину благими намерениями выстлана дорога в ад⁶⁵.

Однако видеть в подобной позиции жестокость или порочность Мандевилля, значит сознательно забыть о его меркантилистском мировоззрении. Глубоко убежденный в том, что «великое искусство создания счастливой нации и обеспечения ее процветания заключается в наделении каждого возможностью работать»⁶⁶, он и жрец любви рассматривал как дисциплинированную рабочую силу, организуемую и контролируруемую. Неравенство для него так же естественно, как и общество, в котором материальное благополучие меньшинства покоится на трудовой эксплуатации большинства. Как верно отметил М. В. Марков: «Мандевиль, полностью осознавая пороки буржуазного общества, не испытывал к нему ненависти или симпатии – не будучи критиком или апологетом такого общества, он просто мирился с фактом его существования»⁶⁷.

В проекте организации государственных публичных домов самостоятельным сюжетом выглядит отношение Мандевилля к проституции и к женщинам легкого поведения. По его мнению, целью организации государственных публичных домов является не потакание низменным мужским желаниям, как это может показаться, а объективная экономико-социальная потребность динамично развивающегося капиталистического государства, для процветания которого необходимо найти средство для поглощения излишков мужской энергии. Так почему не привлечь

⁶³ Ibid. P. 89.

⁶⁴ Ibid. P. 89.

⁶⁵ Как правильно отметил И. Праймер, автор памфлета «едва ли мог представить хотя бы малую долю жестокости глобальной современной секс-индустрии, куда обманом и насилием вовлекаются ничего не подозревающие женщины, переходящие от одного покупателя к другому до тех пор, пока их нельзя будет использовать в качестве сексуальных рабынь». *Primer*. 2006. P. 23.

⁶⁶ *Mandeville*. 1924. Vol. 2. P. 321.

⁶⁷ *Марков*. 2008. № 3 (27).

для этого уже существующих жриц любви, организовав и обустроив их деятельность и быт на государственном уровне, предоставив, пусть даже за счет ограничения их личной свободы, стабильный заработок, медицинское обслуживание, сомнительный, но все же четко зафиксированный социальный статус. Тем паче, что к столь малопочтенному занятию в подавляющем большинстве случаев женщины приходят не добровольно, а из-за нужды и невозможности заработать иным, более честным способом. В этом смысле профессия проститутки, по глубокому убеждению мыслителя, ничуть не хуже любой другой, а будучи поставленной под государственный контроль, она гораздо больше располагает к честности. «Священнослужитель укроется ризой, и кто посмеет обвинить его в симонии⁶⁸? Юрист обманывает нас согласно букве закона; и благодарите врача за то, что вы остались в живых и потому можете жаловаться на него...»⁶⁹. В предлагаемой же Мандевилем системе малейшее неправомерное действие по отношению к клиенту будет немедленно раскрыто, и «бедную куртизанку» подвергнут суровому наказанию вплоть до высылки из страны. К тому же, как пронизательно замечает автор, боязнь «общественного порицания – тот фундамент, на котором зиждется нравственность и мораль»⁷⁰. Человеку свойственно искать одобрения тех, кто его непосредственно окружает, «игнорируя мнения чужаков», а потому среди отверженных созданий, где «распущенность есть предмет не порицания, а одобрения, проститутки будут заботиться о своем добром имени с тем же рвением, что и остальное человечество»⁷¹.

Причины очевидно пренебрежительного отношения мыслителя к представительницам древнейшей профессии следует искать в существовавшей в начале XVIII в. и поддерживаемой им концепции неравноправия мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни. Предлагаемый им проект изначально построен на концепте двойных стандартов, на идее неравенства двух полов, неравенства, обусловленного особенностями физиологического и духовного склада, и потому, с точки зрения Мандевиля, непреодолимого. Недаром несколько пассажей «Благопристойных аргументов» посвящены сравнительному анализу женской и мужской репродуктивной систем. Женское желание, обладая такой же силой как мужское, не оказывает столь разрушительного

⁶⁸ Симония (от имени Симона Волхва, просившего по церковному преданию, апостолов продать ему дар творить чудеса) – практика покупки и продажи церковных должностей, распространенная в Средние века в Западной Европе.

⁶⁹ Ibid. P. 63–64.

⁷⁰ Ibid. P. 63.

⁷¹ Ibid. P. 64.

воздействия на основы общественного правопорядка, в силу того, что надежно сдерживается грузом условностей, налагаемых на женщину традициями и общественной моралью. Мужчина же априори более свободен, для него условности носят не обязательный, а формальный характер, и потому он может позволить себе где-то обойти их, а где-то и совсем пренебречь ими. По этой логике для мужчины опыт в любовных делах – это необходимое условие счастливого брака, а для женщины грехопадение – первая ступенька в карьере распутницы. «Некоторые скажут, что преступно заставлять женщин зарабатывать подобным способом, ибо существует вероятность нравственного исправления... Но потеря добродетели настолько развращает женщин, что они никогда не изменят образ жизни и не восстановят доброе имя»⁷².

Та же убежденность в половом неравноправии находит свое отражение в рассуждениях мыслителя о супружеских отношениях. «Женская добродетель» в его понимании подразумевает непорочность до брака и верность после заключения оно, мужская же добродетель – есть абсолютно иллюзорное понятие. Представляется сомнительным, чтобы такой знаток человеческого психологии, как Мандевиль, серьезно верил в то, мужчина, с юных лет став завсегдатаем публичных домов, может превратиться в примерного семьянина, довольствующегося одной женщиной. Очевидно, что Мандевиль отлично осознавал, что право удовлетворять природный инстинкт давно и прочно монополизировано мужским полом. И хотя он противопоставлял счастливое супружество «безрадостным объятиям проститутки», естественно предположить, что он допускал возможность посещений мужчинами публичных заведений и после заключения брака. И что немаловажно, для мужчин эта возможность абсолютно легитимна с юридической и моральной точек зрения, в то время как женщина, вступившая на скользкий путь супружеской измены, вынуждена прибегать к уловкам и ухищрениям, чтобы скрыть факт неверности. По утверждению Мандевиля, именно женская измена наиболее пагубна для брака: «Она развращает душу и ум женщины, разрушая взаимную любовь супругов. Добавьте к этому риск разоблачения, разрушающий репутацию женщины и спокойствие мужчины... Муж сомневается в добродетели жены, жена – в верности любовника, последний же – в недостаточной бдительности мужа... Попад в этот замкнутый круг, каждая сторона оказывается вовлеченной в “нескончаемое страдание, вообразимое только тем, кто испытал его”»⁷³.

⁷² Ibid. P. 59.

⁷³ Ibid. P. 63–64.

Проведенный выше анализ содержания памфлета позволяет аргументировано обсуждать его жанр и основные цели написания. Отсутствие в нем положительной или негативной модели социума определенно не позволяет отнести памфлет к утопическому жанру. Очевидна и несостоятельность точки зрения, согласно которой основная цель «Благопристойных аргументов» заключалась в сатирической атаке на Общества исправления нравов. Во-первых, это неоправданно упрощает смысловую нагрузку «Благопристойных аргументов». А, во-вторых, то обстоятельство, что редкое произведение Мандевиля было свободно от язвительных высказываний в адрес вышеупомянутых обществ, не дает оснований рассматривать их как центральный, базовый элемент его творческой деятельности. Как верно отметил Р. Кук, «Мандевилль не столько защищает свои идеи, сколько пародирует защиту. Зная, что “благочестивые святоши” из Обществ исправления нравов найдут его предложения оскорбительными и без сатирических экзерсисов, Мандевилль со свойственной ему пронизательностью заключает, что ему нечего терять и потому он будет облачать свои мысли в форму, которая позволит ему высмеять лицемерие общества»⁷⁴. В «Благопристойных аргументах», равно как и в «Басне о пчелах», ироническая апелляция к Обществам – это не более чем полемический прием для придания «веса» собственным аргументам.

Можно ли рассматривать «Благопристойные аргументы» как социальный проект или программу, которыми была так богата английская публицистика второй половины XVII – начала XVIII в.? Нам представляется, что нет, и прежде всего, потому, что Мандевилль был мыслителем теоретического склада, диагностиком, чья главная цель и сфера интересов – скорее описание и анализ, нежели практическое реформирование. Здесь трудно согласиться с Р. Куком, полагавшим, что «в “Благопристойных аргументах” Мандевилль не просто излагает свои наблюдения по проблеме проституции, но и отстаивает свой впечатляюще детализированный план борьбы с ней»⁷⁵.

В пользу того, что «Благопристойные аргументы» менее всего являлись конкретной программой действий по борьбе с социальным злом, свидетельствует, то, что Мандевилль не предложил ничего кардинально нового. Более того, он не скрывал, что черпал вдохновение из опыта прошлых веков, в котором находил многочисленные примеры плодотворного «сотрудничества» государства с представительницами древнейшей профессии. Недаром, завершая «Благопристойные аргументы»

⁷⁴ Cook. 1975. P. 33.

⁷⁵ Ibid. P. 23.

кратким экскурсом в историю английской проституции, Мандевиль отмечал, что «сии малопочтенные заведения (*публичные дома*. – Прим. автора) издревле располагались в Саутворке фактически под прямым покровительством государства... поскольку они платили регулярные налоги в пользу лорд-мэра и епископа»⁷⁶. Здесь уместно привести цитату из монографии И. Блоха «История проституции», чтобы понять, что Мандевиль фактически воспроизвел средневековую схему борьбы и надзора над этим социальным явлением. «...публичные дома в течение Средних веков всюду перешли в ведение государств или, вернее, города... ими управляли в интересах владельца городские служащие или арендаторы. Частные бордели составляли исключение и, подобно вольным и тайным проституткам, не пользовались расположением со стороны начальства. В лучшем случае их только терпели, чаще же преследовали и боролись с ними. Все полицейские меры городов и государей были направлены на строгую локализацию и казарменную организацию проституции в принадлежащих государству домах терпимости, надзор за которыми, содержание в надлежащем виде и экономическое использование считалось важной задачей городского начальства... Где публичные дома не находились во владении города, там их доход составлял регалии государя или лен духовных и светских династий»⁷⁷. Любопытно мнение одного из самых авторитетных специалистов по истории европейского средневековья Жака Ле Гоффа. «...Тогдашнее общество... меньше, чем люди других эпох, негодовало по поводу деятельности, которая приносила пользу мужчинам и ущерб женщинам... Проституция была призвана умерить излишний пыл общества, в котором было множество холостых мужчин... и все больше и больше входила в рамки обычной регламентации ремесел»⁷⁸.

Во-вторых, поставим под сомнение «впечатляющую детальность»: в количественном отношении практическая составляющая «Благопристойных аргументов» несоизмерима с теоретической частью. В пространственных доказательствах выгоды «проекта» собственно аргументация составляет ничтожно малую долю, буквально растворяясь в отступлениях на разнообразные темы. Напротив, Мандевиль впечатляюще скуп на детали и вполне сознательно «топит» многие организационные аспекты в абстрактных рассуждениях о природе брака и любви, о законах, религии и морали. Это особенно заметно, если сравнить

⁷⁶ Mandeville. 2006. P. 94.

⁷⁷ Блох. 1913. С. 286.

⁷⁸ ле Гофф. 2008. С. 166–167.

«Благопристойные аргументы» с трактатами второй половины XVII – начала XVIII в., авторы которых предлагали оптимальные, с их точки зрения, способы решения социальных проблем и обогащения страны. Авторами подобных трактатов преимущественно были представители английского среднего класса – буржуазии, мировоззрение которых опиралось на пуританскую этику, несомненно, чуждую Мандевилью. В этом ракурсе «Благопристойные аргументы» можно рассматривать как тонкую пародию на подобную «прожекторскую литературу». «Искренние» же заверения, что сеть государственных публичных домов в Англии будет способствовать «счастью всего человечества» – это не что иное, как ироническая дань «коллегам», которые не скупилась на описание тех бесчисленных выгод, которые сулила реализация их проектов и программ. К тому многообразию областей, которые пытались реформировать многочисленные радетели общественного благополучия, Мандевиль, не изменяя своей скандальной репутации, добавляет еще и сферу самого деликатного свойства. При этом с беспрецедентной прямоотой и шокирующей откровенностью он на конкретном примере иллюстрирует свой излюбленный тезис: человеческие слабости и недостатки, преобразуемые государственным разумом, могут превратиться в важнейший стимул развития общества.

На наш взгляд, «Благопристойные аргументы» – это классический социально-философский трактат. Что же касается цели и задач, которые ставил перед собой автор, то количественный анализ текста памфлета показывает, что он многократно, с различных точек зрения и в контексте различных сюжетов обращается к проблеме гендерных ролей. Внешний эпатаж – всего лишь оболочка, под которой скрывается глубокий философско-психологический анализ содержания и специфики тех социальных ролей, которые играли женщины и мужчины современной ему эпохи. При этом Мандевиль в методологическом отношении поднялся несравненно выше многих своих современников, не скупящихся на советы и рекомендации относительно воспитания и образования представителей обоих полов. «Не ограничиваясь критикой различных недостатков представительниц высшего света, Стиль и Аддисон стремились в какой-то мере руководить воспитанием и образованием юных дам... Журналисты предприняли попытку составить список тех книг, которые были необходимы для женского чтения, давали различные советы относительно поведения юных дам в обществе, их нарядов, занятий, делились своими соображениями о любви, семейном счастье,

супружеской верности»⁷⁹. Мандевилль же, игнорируя нравственно-дидактический аспект, углубляется в область социальной психологии, показывая себя непревзойденным знатоком слабых и сильных сторон человеческой натуры. Путем абстрактных умозаключений он выделяет различные типы личности (для мужчин и женщин), анализирует их психологические свойства, характеризует универсальные для каждого типа поведенческие модели. В этом ракурсе ключом к общественному благополучию является вовсе не организация государственных домов терпимости, а урегулирование межличностных, а именно семейно-брачных отношений в экономически и социально активных слоях общества – среди представителей среднего класса. Именно представителям среднего класса посвящен рассматриваемый трактат, поскольку «люди дела» – есть истинные творцы блестяще описанного Мандевилем «буржуазного мира... если и не лучшего из миров, то, во всяком случае, лучшего из всех существовавших»⁸⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блох И.* История проституции [Текст]: моногр. / Пер. с нем. П. И. Лурье-Гибермана. СПб.: Издание К. Л. Риккера, 1913. 310 с.
- Ле Гофф Жак.* Рождение Европы [Текст] / Пер. с фр. СПб: Александрия, 2008. 398 с.
- Лабутина Т. Л.* Женское образование в стюартовской Англии [Текст] // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 136–147.
- Марков М. В.* «Басня о пчелах» Бернарда Мандевила: развенчание пуританской этики и рождение идеологии экономизм // Проблемы современной экономики. 2008. №3 (27) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru> (время доступа: май, 2011).
- Субботин А. Л.* Бернард Мандевилль [Текст]: моногр. М.: Мысль, 1986. 130 с.
- Bernard Mandeville's "A modest defence of publick stews". Prostitution and its discontents on Georgian England [Text] / Ed. by I. Primer. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 208 p.
- Cook R. I.* "Great Leviathan of Lechery": Mandeville's Modest defence of publick stews (1724) // Mandeville studies. New explorations in the art and thought of Dr. Bernard Mandeville / Ed. by I. Primer. The Hague: Martinus Nijhoff, 1975.
- Crane R.* Bernard de Mandeville [Text] // Philological Quarterly. 1934. № 13. P. 122–123.
- Goldmuth M.* Private Vices, Public Benefit: Bernard Mandeville's social and political thought [Text]: monogr. Cambridge: Cybereditions Corporation, 1985. 210 p.
- Harder J.* The authorship of A Modest Defence of publick stew, etc [Text] / *J. Harder* // Neophilologus. 1933. № 18. P. 200–203.
- Horne T.* The social thought of Bernard Mandeville [Text]: monogr. New York: Columbia University press, 1978. 120 p.

⁷⁹ Лабутина. 2001. С. 140.

⁸⁰ Субботин. 1986. С. 70.

- Kaye F.* The writings of Bernard Mandeville. A Bibliographical survey [Text] // Journal of English and German Philology. 1921. №. 20. P. 419–467.
- Mandeville studies.* New explorations in the art and thought of Dr. Bernard Mandeville [Text] // Ed. by I. Primer. The Hague: Martinus Nijhoff, 1975. 225 p.
- Mandeville B.* The Fable of bees [Text]: In 2 vols. Oxford: Clarendon press, 1924. V. 1–2. 412 p., 480 p.
- Mandeville B.* A modest defence of publick stews or an essay upon whoring as it is practis'd in these kingdoms // Bernard Mandeville's "A modest defence of publick stews". Prostitution and its discontents on Georgian England // Ed. by Irwin Primer. New York: Palgrave Macmillan, 2006.
- Primer I.* Commentaries // Bernard Mandeville's "A modest defence of publick stews Prostitution and its discontents on Georgian England [Text] / Ed. by I. Primer. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 208 p.
- Walkowitz J.* Prostitution and Victorian Society: Women, class and the state. Cambridge: Cambridge university press, 1982. 360 p.

Эрлихсон Ирина Марковна, доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина; erlihson@rambler.ru